

КАКЪ РАБОТАЮТЪ НАШИ ПИСАТЕЛИ *).

Н. С. Дѣсковъ.

Николай Семеновичъ любезно согласился отвѣтить на мои вопросы.

— Диктуете-ли вы ваши произведенія? — спросилъ я.

— Не нахожу этого удобнымъ. Однажды только я пробовалъ диктовать и то вышло скверно, я былъ боленъ и продиктовалъ романъ «На ножахъ», за то, по моему, это и есть самое безалаберное изъ моихъ слабыхъ произведеній. За послѣднѣе годы я такъ часто болѣю, что въ прошломъ году опять было попробовалъ диктовать, но ничего не вышло. И вотъ, за вами херанна съ продиктованными рукописями, изъ которыхъ я до сихъ поръ, несмотря на все мое стараніе, — ровно ничего не могъ сдѣлать.

— Когда вы работаете?

— Когда я былъ здоровъ, я работалъ ночью и находилъ, что ночная работа будто лучше, но съ тѣхъ поръ, какъ я хвораю, мнѣ пришлось измѣнить свои привычки. Теперь я встаю очень рано, гуляю, возвращаюсь въ 8 часовъ и послѣ чая сажусь работать до 2 часовъ дня. Присутствіе сторонняго лица во время работы меня стѣсняетъ.

— Много-ли вы успѣваете писать за это время?

— Я пишу едва пять листовъ въ годъ. Я не обладаю большимъ дарованіемъ и работаю очень копотно: я переписываю 4—5 разъ одно и то-же. Мнѣ все дается очень трудно. И если я замѣчаю, что работа у меня не ладится, то я бросаю ее и принимаюсь за чтеніе. Я люблю чтеніе и читаю много.

— Приступая къ новому произведенію, составляете-ли вы заблаговременно планъ его?

— Нѣтъ, не составляю. Все равно отъ него уйду. Вообще, я и не придаю большого значенія плану. Не разъ мои добрые друзья дарили мнѣ сюжеты и планы, но я никогда ими не пользовался. Когда вдохновеніе приходитъ, тогда Богъ вѣсть откуда что берется. Не даромъ, видно, сказано: «Тщетно, художникъ, ты ищишь, что твореній твоихъ ты создатель»...

— И вы большіе романы написали безъ плана?

— Да!

Даже пьесу «Расточитель» я писалъ безъ плана. Вы такъ молоды, что навѣрное ее не помните. Она была заругана, какъ и все, что я написалъ, а говорятъ, что она не совсѣмъ дурна, и когда пьеса эта шла впервые, Геденовъ увѣрялъ, что она продержится десять лѣтъ, а вотъ прошло уже и четверть вѣка, а она все еще на сценѣ. Приведу вамъ примѣръ, насколько самый сюжетъ имѣетъ мало значенія. Возьмемъ «Ревизора». Сюжетъ «Ревизора» характеризуется слѣдующими словами: «Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: въ нашъ ѣдетъ ревизоръ».

Это собственно не болѣе какъ фарсъ, какъ анекдотъ, построенный на qui pro quo, но все дѣло въ томъ, какъ анекдотъ этотъ обработанъ. То-же и «Мертвыя души». Кстати скажу, что, какъ художественное произведеніе, я ставлю «Тараса Бульбу» выше «Мертвыхъ душъ».

Между тѣмъ къ сюжетамъ многіе писатели были

очень ранимы: таковы, напр., были М. А. Гончаровъ.

— Гдѣ вы черпаете матеріалъ для вашихъ произведенийъ?

Николай Семеновичъ сказалъ, указывая на свой открытый лобъ:

— Вотъ изъ этого сундука. Здѣсь хранятся впечатлѣнія 6—7 лѣтъ моей коммерческой службы, когда мнѣ приходилось по дѣламъ странствовать по Россіи, это самое лучшее время моей жизни, когда я много видѣлъ и жилъ легко.

— Но все-же, судя по вашимъ произведеніямъ, вы особенно хорошо знаете бытъ русскаго духовенства?

— Ну, это савшконъ для меня много. Повѣрьте, что есть лучшіе знатоки этой жизни, чѣмъ я. Вообще, у насъ есть прекрасные бытовые писатели. Вотъ и сейчасъ читаю въ «Русской Мысли» романъ Мамина-Сибиряка подъ заглавіемъ «Хлѣбъ». Что это за прелесть! Я сравниваю это произведеніе съ лучшими романами Купера.

— Такъ что вы не придерживаетесь пессимистическаго мнѣнія объ унади современной русской литературы?

— О, Богъ съ нимъ, это противное и злое мнѣніе, установившееся среди мало начитанныхъ людей благодаря брюжжанію критики. По моему, это мнѣніе совершенно не основательно. Развѣ Петръ Дмитриевичъ Боборыкинъ не интересный и не полезный писатель? Это въ полномъ смыслѣ прекрасный повеллистъ. Онъ сибшконато заканчиваетъ свои работы и это нѣтъ часто вредитъ, но что-же дѣлать: у всякаго своя манера, свои достоинства и свои недостатки. Камова уже, кажется, какой былъ мастеръ, а нѣтъ такой-же самый недостатокъ. И у того, и у другого окончаніе работы скорѣе. Дайте Чеховъ, Маминъ, Короленко, покойный Альбовъ—развѣ это не таланты. А еще изъ болѣе молодыхъ есть такіе, что какъ только появились, такъ сразу-же заставили о себѣ говорить и спорить: таковы, напримѣръ, мой молодой однофамилецъ, выведенный въ свѣтъ «Историческимъ Истинникомъ» г. Шубинскаго. Такого быстрого успѣха еще и не бывало. Одна бѣда, что наши молодые писатели не набоятся подготовиться и провѣрить то, о чемъ они пишутъ. Посмотрите такого великаго художника, какъ Левъ Николаевичъ Толстой. Онъ можетъ дать отчетъ въ каждой написанной имъ строчкѣ—и ошибаясь такъ нѣтъ мѣста. Впрочемъ, не станемъ трепать безъ особенной нужды его дорогое имя.

— Придаете-ли вы особенное значеніе тенденціи въ беллетристическомъ произведеніи?

— Направленіе играетъ большую роль. Беллетристика должна служить полезнымъ идеямъ, а не прелестью забавы; духъ автора долженъ проглядывать въ каждой строчкѣ произведенія. Въ этомъ смыслѣ произведенія Толстого безцѣльны.

Повѣрьте—не даромъ къ его вѣщамъ голосу прислушивается съ такимъ вниманіемъ весь міръ.

— Вы противъ брака?

— Да что значу я! Противъ брака множество людей.

Еще Семеновъ былъ врагомъ брака... Я только не понимаю, какъ два человека могутъ обійтись любовью другъ друга всю жизнь.

— Не хотите-ли вы заикнуться что-нибудь противъ современныхъ литературныхъ нравовъ?

— Дѣтъ. По моему, очень дурно, что писатели стали писать на удовольствіе и на деньги. Это превратно

отказывается на многихъ изъ нихъ.

— Но какъ-же быть?

— Жить скромнѣе.

— Однако-же, художнику надо видѣть модели того, что онъ хочетъ писать.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Я все это только и слышу, но, — грѣшнымъ чужакомъ, — думаю, что совѣтъ не въ томъ дѣло. Я, впрочемъ, суму по себѣ, что если-бы при тѣхъ неудобствахъ, среди которыхъ я прожилъ мою литературную жизнь, я позволилъ себѣ жить по-

шире, то мнѣ пришлось-бы очень худо. А такъ какъ я этому обычаю не слѣдовалъ, а жилъ скромно, то я и не замѣтилъ своихъ нуждъ и ради ихъ ни въ чемъ и ни передъ кѣмъ не поступался. Желаю такъ и уйти отсюда.

Николай Семеновичъ, видимо, усталъ. Опъ говорить, по своему обыкновенію, горячо, съ видимыми увлеченіями, но болѣзнь его одолеваетъ. И. Змѣ.